

18+

Е л е н а Б о д р о в а

С е р д ц е В к л е т к у

Елена Бодрова

**Сердце в клетку.
Комедия в 27 главах**

«Издательские решения»

Бодрова Е. Э.

Сердце в клетку. Комедия в 27 главах / Е. Э. Бодрова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900484-0

Что может сделать с человеком простой тетрадный листок в клетку, на котором нарисовано сердце, а в сердце вписано имя? Казалось бы ничего, но красавчику Коле из-за злополучного сердца приходится ох как нелегко. Его ждет масса приключений: от уборки подъезда до переодевания в женщину... Но обо всем по порядку. Пока что в его почтовом ящике лежит сложенный пополам листок... Книга, в которой есть странная любовь, баскетбол, школа. И много юмора.

ISBN 978-5-44-900484-0

© Бодрова Е. Э.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1, в которой мы внезапно узнаем, что Нина Степановна влюбилась	7
Глава 2, в которой Нина Степановна не хуже других и, кроме того, с торгом	10
Глава 3, в которой сердце в клетку валяется сначала на полу, потом на земле, а затем возвращается туда, откуда прибыло	13
Глава 4, в которой нам становится известно, как Нина Степановна влюбилась в Колю	17
Глава 5, в которой Коля ошибается насчет сердца в клетку, а Катенька вместе с Ниной Степановной собирают осенние листья	20
Глава 6, в которой Нина Степановна постучалась, ей сказали «Войдите», а сердце в клетку вернулось в ящик, дополненное и исправленное	26
Глава 7, в которой Коля злится, а сердце в клетку сжимается в комок	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сердце в клетку Комедия в 27 главах

Елена Бодрова

Иллюстратор Елена Бодрова

Дизайнер обложки Елена Бодрова

© Елена Бодрова, 2020

© Елена Бодрова, иллюстрации, 2020

© Елена Бодрова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4490-0484-0

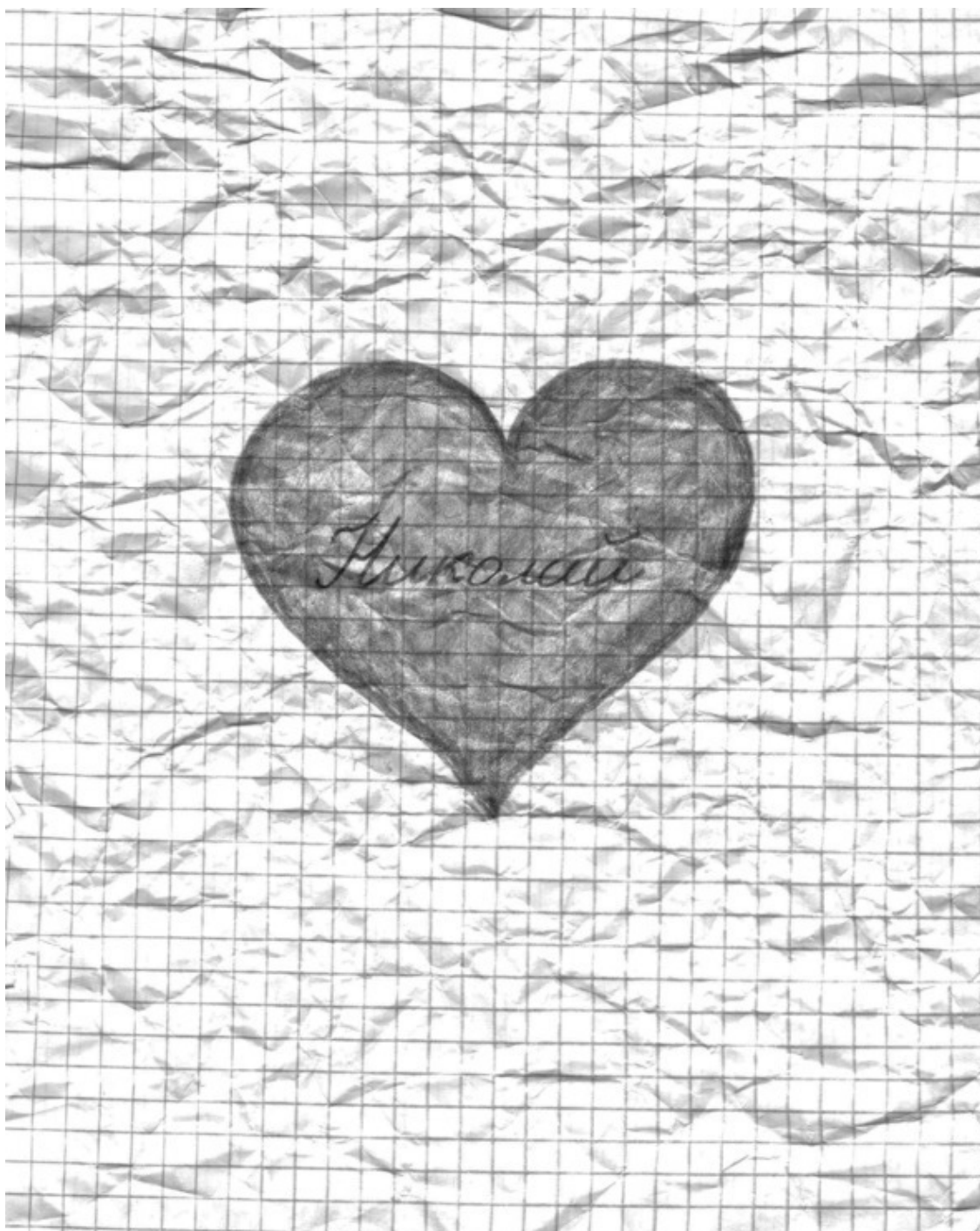
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все события и персонажи вымышлены. Любое совпадение с реальными событиями и именами случайно.

А хотя нет, не любое. Давайте так:

Все события и персонажи вымышлены, кроме имени, возраста, цвета глаз и умопомрачительной внешности главного героя.

Привет, Коля.

Глава 1, в которой мы внезапно узнаем, что Нина Степановна влюбилась

Нина Степановна влюбилась. Так уж вышло. Она и сама не хотела, и не верила сама...

Сегодня ей исполнилось пятьдесят.

Она смочила тряпку в ведре с водой, вдела ее в швабру и принялась оттирать черные полосы от кроссовок в школьном коридоре. За дверью продленки кричали дети и ей отчаянно хотелось туда.

– Нина Степановна, – виноватым тоном позвали. Женщина обернулась и увидела Анну Сергеевну, молоденькую учительницу. – Не могли бы вы снова посидеть с малышами, я...

– С удовольствием! – перебила Нина Степановна и улыбнулась во всю ширь лица. А оно было широким, как блин на Масленицу. Она поставила швабру в ведро, вода булькнула, Нина Степановна дернула ручку двери продленки на себя.

– Нина Степановна! – заголосили дети и бросились обниматься.

– А мы рисуем сердечки! Как будто любовь! – сообщили девочки, показывая мятые листочки в клетку. На них красовались разные по форме и размерам сердечки.

– А мы не рисуем сердечки, – на всякий случай уточнили мальчики, чтобы на них, не дай бог, не подумали. – Мы машины рисуем. Грузовики. Самосвалы и электровозы. Вот!

Нина Степановна поглядела на самосвалы счастливыми глазами. Но сердечки ей были ближе, потому что она и сама... Эх.

Нина Степановна проворно подскочила к учительскому столу, взяла листочек в клетку.

– А вы покажете нам, как правильно рисовать сердечки? – спросила Катенька, протягивая женщине свой листочек с покореженным, несимметричным сердцем посередине.

– Конечно, Катенька, покажу, – Нина Степановна взяла ручку и вывела на листе ровное сердце. «Коля» – написала она внутри него, и пронзила сердце неумолимой стрелой с метелочкой на конце.

– А кто такой Коля? – спросила девочка Даша, хитро улыбнувшись и сверкнув дыркой из-под выпавшего переднего зуба.

Нина Степановна вздохнула. Кто такой Коля? Коля – это Коля. Коля – это что-то...

– Просто имя мальчика. Вписываешь в сердце и получается, как будто он тебе нравится, – объяснила она.

Девочки засмутились, покраснели, а мальчики гордо отвернулись и снова занялись грузовиками.

– А Дима сказал Пете, что ему нравится Света, – поделилась новостью Катенька и захихикала.

Нина Степановна посмотрела на Диму. Тот ничего не слышал, рисовал синюю машину.

– А почему Дима не сказал Свете? – спросила она у Катеньки.

– Да вы что? – та захихикала еще сильнее и покраснела.

– А откуда ты знаешь, если он сказал Пете? – заинтересовалась Нина Степановна.

– А я слышала! Они думали, я не слышу, а я притворилась, что мимо иду! – зашептала Катенька и снова рассмеялась.

– Какая ты хитрая, Катенька, – с плохо скрываемым одобрением проговорила Нина Степановна.

– А нарисуйте нам сердечки, а мы впишем имена! – воскликнула Аня. Девочки снова захихикали. Почти у каждой было припасено заветное имя. А у кого не было припасено, те все равно захихикали, чтобы никто не догадался, что у них не припасено. Только круглоли-

чая рыжая Лиза хлопнула ресницами два раза, сидя на своем месте. Она была очень робкой девочкой.

Нина Степановна заговорщически подмигнула Ане, достала из ящика стола несколько листочков в клетку и нарисовала на каждом по крупному сердечку – чтобы поместились даже самые большие имена. Мальчики как ни в чем не бывало продолжали рисовать машины, но притихли, и у многих горели уши. Они хотели подглядеть, какие имена впишут девочки, но, чтобы их не раскусили, внимательнейшим образом рассматривали свои рисунки.

Нина Степановна раздала листочки, и Лизе дала листочек тоже, с красным сердечком. Лиза пододвинула его к себе пальцами, поглядела по сторонам – чтобы никто не смотрел, и склонилась над листочком, закрывшись рукой.

– А Лиза тоже любит кого-то! – воскликнула Аня с восторгом в голосе. Макушка Лизы дернулась, но она не подняла лица от парты, все водила и водила ручкой по листу. Аня, немного поглядев на лизину макушку, повернулась к своему розовому сердцу. Нина Степановна видела, что девочка раздумывает, какое бы имя написать, – значит, ей пока никто не нравится. Нина Степановна похлопала ее по плечу, девочка улыбнулась и вписала имя «Леша». В их классе не было Леша.

Нина Степановна склонилась над своим листочком – с фиолетовым сердцем – вздохнула и написала: «Коля». А можно было «Николай», подумала она и схватилась за стерашку. «Николай» солиднее смотрится. Она стерла «Колю», исправила.

– Нина Степановна! – строго сказала женщина, заглянувшая в класс. – Вы опять здесь. А ведро в коридоре стоит. Почему вы здесь?

– А меня... а Анна Сергеевна... – замялась Нина Степановна. Она смотрела на завуча Инну Алексеевну затравлено, побаивалась ее. Влажными пальцами мяла под партой свой листик с сердцем.

– Идите, пол домывайте, – отрезала та.

– Да я на минуточку. Анна Сергеевна просто вышла ненадолго. Меня попросила.

Дети притихли и растеряно глядели на завуча. Они тоже ее побаивались.

– "На минуточку", – проворчала та. – Идите. Я верну Анну Сергеевну, – как-то мстительно заявила завуч и скрылась.

Нина Степановна развела руками: мол, работа. Дети приуныли.

– А давайте, – сказала Катенька, но по лицу было видно, что она еще не додумала свою мысль до конца. Нина Степановна внимательно смотрела на нее, дожидаясь. – А давайте, мы свернем наши листочки и Нина Степановна раздаст тем мальчиками, чьи имена написаны! – закончила Катенька.

Мальчики сделали невозмутимый вид, хотя глаза их заблестели.

– А я видел, какой у тебя листочек, – сказал Антон, но Катенька и бровью не повела. «Это значит, что на ее листочке написано не Антон», – догадалась Нина Степановна. Ей нужно было бы ринуться в коридор, к ведру. «Но листочки с сердечками гораздо интереснее!» – подумала женщина и собрала их у девочек.

Она перемешала листочки, стала разворачивать и отдавать тем мальчикам, чьи имена написаны. Три штуки достались Диме, он с деланным равнодушием сложил их рядом со своей нарисованной синей машиной. «А потом, когда никого не будет рядом, примется рассматривать, гадать, кто написал, – решила Нина Степановна. – И будет надеяться, что один от Светы. А я знаю, что один и вправду от Светы, – мысленно похихикала женщина. – У нее было оранжевое сердечко, вон оно, лежит у него с самого верху».

Большинству мальчиков досталось по одному листку, Антону два, а Ване и Пете ни одного.

«Ну вот, – подумала женщина. – Если бы я знала, что буду раздавать, нарисовала бы Ване и Пете и незаметно подмешала бы».

– Нина Степановна! Вы еще тут? – на этот раз завуч выглядела еще более сердитой. Мимо нее в класс с виноватым видом протиснулась Анна Сергеевна.

– Нельзя же было оставлять детей одних, – развела руками уборщица. – Уже иду к ведру. Она подмигнула Катеньке, махнула рукой всем детям, улыбнулась Ане и Пете, которые сидели за одной партой.

– До свидания, Нина Степановна! – воскликнули дети хором.

Прозвенел звонок на урок и женщина принялась мыть опустевший после перемены коридор.

Глава 2, в которой Нина Степановна не хуже других и, кроме того, с тортом

Нина Степановна с громадным пакетом возвращалась домой. Накупила продуктов. Сегодня зайдет соседка (она же – подруга) Люба. Поболтать и торт поесть в честь дня рождения.

Проверила почтовый ящик: только цветастый рекламный буклет из магазина напротив. Посмотрела на другой почтовый ящик с цифрой двенадцать. Нашла в кармане лист в клеточку с сердечком по имени Николай.

«Была – не была! – мысленно воскликнула Нина Степановна. – Что я, хуже что ли?» – и засунула мятый листок в щель ящика. Внизу хлопнула тяжелая подъездная дверь, Нина Степановна испугалась, что это кое-кто определенный, подхватила и заспешила на свой этаж, в квартиру с номером восемнадцать на двери.

– Надька! – крикнула женщина разувшись, и ей ответила привычная тишина. Опять где-нибудь шатается. Переходный возраст – пятнадцать лет, уроки побоку, всё побоку. – Надька! – крикнула еще раз, навскидку. Только холодильник мерно гудит.

Нина Степановна прошла на кухню, выложила продукты на стол. Торт купила – «Наполеон», самый любимый с детства. Вот придет Люба, поболтают, посидят, телик посмотрят. Тут же зазвонили в дверь. Нина Степановна открыла.

– Любка, приветики, – сказала она и обняла подругу.

– Превед, медвед, – ответила та. – Все-таки работа в школе хорошему тебя не учит.

– Тут и без школы научишься. У меня взрослая дочь, океюшки?

– Не такая уж взрослая. А отпускаешь шастать до ночи.

– Знаешь же, что не я отпускаю. Сама отпускается, когда захочет и куда захочет, – ответила Нина Степановна и прошла в кухню, а за ней Люба, шелестя по полу нарядной юбкой.

– Сама только пришла, – сказала Нина Степановна и поставила чайник на плиту.

– Распустишь ее, – не унималась подруга. – Вон, я свою в ежовых рукавицах до сих пор держу, а ей уже двадцать.

– Ты молодец.

– Отцовского ремня ей не хватает. Твоей, в смысле.

Нина Степановна села на стул и поглядела на чайник. Он отзеркалил ее лицо, сделал похожим на воздушный шарик. Нина Степановна скорчила гримасу и шарик тоже скорчился в ответ.

– Всё развлекаешься, – вздохнула подруга Люба.

– День рождения у меня, – ответила та, ссутулившись на своем стуле.

– Ну что ж, тогда с ним тебя! Водочки не найдется?

Нина Степановна не вставая открыла подвесной шкаф и достала початую бутылку. Кухня маленькая, позволяет дотянуться до всего не поднимаясь со стула – до шкафа, до плиты, даже до раковины можно достать, но посуду сидя мыть неудобно. Нина Степановна специально пробовала – нет, неудобно.

Разлили водку по рюмкам, чокнулись.

– С днем рождения, подруга! Что пожелать-то, – сказала Люба, весело поглядывая на прозрачную поблескивающую жидкость в своей рюмке. – Любви! – громко воскликнула она и осушила в один глоток. – Чтоб нашла своего единственного. Можно и не единственного. Вон Анька с первого подъезда, сама знаешь... А мы что, хуже, что ли? Нам тоже можно.

– Мы не хуже. Нам можно, – кивнула Нина Степановна, вспомнив свой мятый листок в почтовом ящике номер двенадцать. Ей вдруг стало стыдно за этот листок. Не подумав как-

то бросила. Может, вернуться за ним? А как достать? Рука ведь не пролезет в шелку. Она там такая узкая, эта шелка.

– Выпьем за это! – тем временем завершила какой-то тост Люба, подливая в рюмки.

Нина Степановна схватила рюмку и опрокинула в себя.

«А вдруг на этом листке можно распознать отпечатки пальцев? – внезапно подумала она, вспомнив „Ментовские войны“, и похолодела. – Надо сбегать».

– Люба, ты посиди тут, я почту забыла забрать. Мне там это... письмо должно прийти.

– От кого письмо? Кто ж щас письма пишет?

– От налоговой. Налоговая пишет, – нашлась Нина Степановна. Люба кивнула: налоговая действительно пишет, она тоже получает такие.

– И ты так встрепенулась из-за письма из налоговой? Так ждешь? – прищурила глаза подруга.

– Ну, просто проверю, – сказала Нина Степановна и резко замедлилась в движениях. А то действительно: когда идешь узнавать сумму налога, поспешность не к лицу.

Она степенно вышла в подъезд, а там уже припустила по лестнице вниз.

Заглянула в дырочки на ящичке номер двенадцать. Или слишком темно, чтобы увидеть, что внутри, или уже забрали. Пусто.

Она медленно поднялась к себе.

– Ну как? – крикнула Люба. Нина Степановна зашла в кухню, лицо у нее было растерянное. – Не пишет тебе налоговая? Да, грустно.

Нина Степановна села на стул. Ну вот, теперь этот листок попадет Коле в руки и он будет гадать, кто это пишет его имя в сердечке. А если догадается, что это она – Нина Степановна?.. Хотя, как он догадается? Вряд ли. С этой мыслью к ней пришли одновременно успокоение и разочарование. Вот если бы он и впрямь догадался... Тогда Нина Степановна почувствовала бы одновременно тревогу и счастливый трепет: он знает. И непонятно, что лучше – разочарованное спокойствие или счастливая тревога?

– Так Надька и на день рождения твой где-то гуляет? – спросила во второй уже раз Люба. – Нина! Слышишь?

– Слышу. Видишь же, гуляет где-то.

– Как ты так можешь отпустить? Звони скорее.

– Да сбросит, – Нина Степановна махнула рукой, но все равно пошла в прихожую за мобильным. Вернулась в кухню, потыкала кнопки, приложила телефон к уху и с минуту слушала гудки.

– Загуляла, – констатировала Люба.

– Может, у подруги, – сказала Нина Степановна.

– И ты в это веришь?

– А что? Вот ты же у подруги, – невесело усмехнулась и переложила с места на место ложечку для торта. Чайник закипел и она выключила газ. Ей не нравилось говорить о дочери с Любой. Люба поучала, Нина Степановна согласно кивала, но понимала, что с дочерью не справляется. Родила ее поздно, в тридцать пять лет. Все ждала любви, так и не дождалась. Отец девочки не пробыл с ними и месяца... А теперь еще этот пубер... пубертатный период, как говорила ей школьная психологиня. По-русски это значит подростковый возраст: гора двоек в дневнике, куча мальчиков в голове и непонимание в семье.

Немного помолчали, поедая торт.

– Свечки бы хоть поставила, – сказала Люба.

– В церкви? – опомнилась от своих мыслей про пубертатный период Нина Степановна. Люба рассмеялась:

– На торт. Знаешь, такие продают сейчас: там цифры. Не надо ставить пятьдесят свечек, а можно всего две: пятерку и нолик, – Люба откусила от своего куска, и на носу у нее осел крем.

- Да зачем свечки. Я и так помню.
- Могла бы задуть и загадать желание.
- Я загадала.
- Без свечки не сбудется.
- Не нагнетай, – Нина Степановна откусила кусок от торта и принялась медленно жевать.
- Да сбудется, сбудется, – весело проговорила Люба, выжеживая остатки водки себе в рюмку. – Вот за это и выпьем.
- У меня только чай остался.
- Люба чокнулась рюмкой о чашку Нины Степановны и опрокинула содержимое в себя.
- И все-таки, любви тебе, подруга! Может, тогда и Надька по струнке ходить станет. Если в доме мужик появится.
- Спасибо, Любка.
- И тебе чмоки.
- Они снова чокнулись, уже пустыми чашками.
- В двери закопошились ключом. Слегка осоловевшая Люба не услышала и продолжала:
- В твоей жизни начинается новая пора, Нинка! Пятьдесят – это не просто так. Пятьдесят – это что-то да значит. А знаешь, какая Моника Белуччи была в пятьдесят? – как-то совсем не к месту вдруг сказала она и показала большой палец: классная Моника Белуччи была в пятьдесят.
- А сейчас ей сколько? – рассеянно спросила Нина Степановна, прислушиваясь к звукам в прихожей.
- А сейчас пятьдесят два. Но она тоже еще ничего.
- Надя! – позвала Нина Степановна.
- Привет, ма! – крикнула дочь из прихожей и прошла в свою комнату.
- А поздравить... – начала Люба громко, но ее голос сорвался на какой-то визг. – А поздравить мать с днем рождения? – закончила она свою мысль.
- Ну Люба, – одернула ее подруга.
- С днем рождения, ма, – крикнула дочь из комнаты. – И пока.
- Куда ты идешь, уже десять вечера, – Нина Степановна вышла в прихожую, за ней подтянулась и Люба.
- Я вижу, тебе весело, – ответила Надя. – Я зашла переодеться. Целую и все такое! – она махнула рукой в направлении матери, схватила свою сумку и выпорхнула за дверь.
- Хоть бы в день рождения матери не шлялась! Дома бы посидела, как все. За тортом, – выкрикнула Люба и икнула.
- Нина Степановна высунулась из входной двери:
- Когда тебя ждать-то? В одиннадцать чтоб дома была!
- Пока, ма! – сделала вид, что не услышала, или правда не услышала та. Шаги удалялись, пока совсем не стихли.
- Распустила дочь, – пьяно проговорила Люба.
- Нина Степановна мельком глянула в зеркало на свое осунувшееся круглое лицо, покрасневшие от водки щеки и потерянные глаза.
- Давай еще по кусочку, что ли? – нарочито весело сказала она и направилась в кухню.
- Водка кончилась, да? – спросила Люба и пошла следом.

Глава 3, в которой сердце в клетку валяется сначала на полу, потом на земле, а затем возвращается туда, откуда прибыло

– Это, вероятно, тебе, – хихикнула девочка двенадцати лет и бросила мятый сложенный пополам листок в брата. Тот лежал на кровати в наушниках. Он услышал, но сделал вид, что нет: опять ерунда какая-нибудь. Листок, не долетев, шлепнулся рядом с кроватью на пол.

– Тебе, говорю, – крикнула девочка, оттопырив один наушник. Брат оттолкнул ее руку.
– Отвянь.

– Тебе письмо, – снова сказала она. Ей хотелось посмотреть на его реакцию на такое «письмо».

Он лениво поднял листок, раскрыл, глянул и бросил обратно на пол.

– Опять мелочь какая-нибудь. Из твоего класса, поди.

– Кто? Лидка? Она не станет такими глупостями маяться, – надулась девочка. Лидка была ее подругой с первого класса и девочку обидело, что брат мог подумать на нее. Лидка вообще в него не влюблена, еще чего! Кто вообще в здравом уме и твердой памяти влюбится в такого? Правда, все же влюблялись, и девочка знала об этом. Но только не Лидка, нет! Она не посмеет так поступить. Все-таки подруга.

– Может, и Лидка твоя. Откуда я знаю, кто именно из всей этой своры.

– Сам ты свора!

– Вечно выстроятся у коробки и пялятся, как я броски отрабатываю.

– Ты не броски отрабатываешь, а дурью маешься! – вскинулась девочка. – Так мама говорит.

– Замолкни. Музыка мешаешь слушать.

– И никто на тебя не пялится.

– Каждый раз делают вид, что мимо шли.

– Никому ты не нужен. И тем более Лидке.

– Пойду поплачу об этом где-нибудь в уголке.

– Не помешало бы.

– Замолкни, я сказал! – повысил голос брат. Девочка обиженно надулась, скрестила руки на груди.

– Что тут у вас? – заглянула в комнату мама. – Женя, что случилось? Коля?

– Ему любовную записку написали, – сразу «сдала» брата девочка и показала на листок, самым жалким образом валявшийся на полу.

– Ну-ка, ну-ка, – мама зашла и подняла записку с пола.

– Да бред, – вставил Коля и включил музыку погромче.

– Кто это тебе пишет? – обратилась к нему мама.

– А? Я ничего не слышу.

– Кто пишет? – громче повторила мама. Она повертела листок в руках. Такие записки обычно младшеклассники друг другу подкидывают.

– Не слышу. Тихо говоришь.

Мама положила листок на стол и вышла из комнаты.

Она ждала, когда же сын остепенится, а сын все не остепенялся. Семнадцать лет парню. В этом возрасте себе профессию выбирают. Выпускной класс, вся жизнь впереди. А его волнуют только музыка в наушниках да баскетбол.

На дворе стоял октябрь, и мама как-то спросила Колю:

– Сейчас в баскетбол играешь. А вот снег выпадет, что будешь делать?

– В хоккей гонять буду. Тот же мяч, только маленький и плоский. Не бойсь, не пропаду, – и, посмеиваясь, сделал музыку в наушниках громче.

В общем, тяжело было маме с Колей. Не то что с Женей – отличница, покладистая девочка, веселая. А этот в наушниках или с мячом целыми днями. Бывало, совсем немоготу станет, мама и говорит:

– И почему я тебя только Колей назвала, – вздыхает и качает головой, сидя на стуле у него в комнате. Коля тоже качает головой, лежа на кровати, но по другой причине – в такт музыке. – Вон у Лариски Коля – отличник, в очках, собранный всегда, вежливый такой.

И мама машет рукой на сына: «Что с тебя взять».

– Лучше бы Димой назвала. Был бы Димон. Тебе подходит, – думая, что тот не слышит, говорит она. А он снимает наушники и отвечает:

– Сейчас все можно. И имя поменять, и фамилию, и отчество. Сходи в паспортный стол, запиши меня Димомом, – и он мечтательно закатывает глаза: – Вот бы и отчество поменять. Стать каким-нибудь Димомом Эдуардовичем. А? Круто?

– Скажи спасибо, что папа не слышит.

– Спасибо, что папа не слышит, – он снова вдевает наушники в уши и уходит от реальности в мир тяжелых ритмов. А мама, вздохнув, – на кухню.

Коля подошел к окну.

– Вон, видишь, – сказал он сестре. – Свора подтянулась уже. С Лидкой твоей ненаглядной во главе. Ждут, когда я в баскет выйду играть.

Женя взбеленилась:

– Они ко мне пришли, понятно тебе? Нужен ты больно! Думаешь, весь мир вокруг тебя вертится?

– А ты думаешь, не весь?

Он взял листок с сердцем и протянул девочке:

– На вот, отдай своей подружке обратно. Пусть придумает что-нибудь поинтересней.

– Да не она это!

– Ладно, сам отдам, – Коля усмехнулся и засунул листок в карман.

Уже из прихожей он крикнул:

– К ужину не ждите, вернусь через неделю.

И захлопнул дверь.

Женя видела в окно, как брат забрасывает мяч в корзину, а «свора» медленно, будто нехотя, подтягивается к заборчику спортивной коробки, и Лидка на ходу проводит рукой по светлым густым волосам, расчесывая их пальцами.

«Ну всё! – подумала Женя. – Сейчас она у меня получит!»

Девочка наскоро оделась и тоже выбежала во двор.

– Эй, белобрысая, – не оборачиваясь, бросил Коля. Лидка приосанилась: к ней обращаются. – Забери свой листок.

– Какой еще листок?

Коля повернулся и быстро направился к ним. Достал из кармана мятый лист в клетку и протянул девочке.

– Это не мое, – выпятила губу та.

Коля развернул листок и поднес нарисованное там сердце к лицу девочки:

– А содержание соответствует.

– Это не мое! – запальчиво крикнула Лидка.

– Все равно забери, – парень кинул листок ей, она даже не сделала попытки поймать. Тот вяло упал на землю. Коля снова принялся закидывать мяч в корзину с таким видом, будто

не разговаривал только что с Лидой, не кидался в нее мятой бумагой, и вообще, словно этих малюток здесь нет, он один на площадке, оттачивает броски.

Лидка мстительно схватила листок и побежала к подъезду Жени и Коли. Из подъезда как раз вышла Женя. Лидка проскочила мимо нее, та даже не успела ничего сказать подружке. Остальные девочки остались неуверенно топтаться у спортивной коробки. Лена только сделала движение в сторону Лидки, но никто ее не поддержал. Девчонки переводили взгляд с Коли на дверь подъезда, за которой скрылась Лидка, не зная, как теперь быть. Остаться здесь и смотреть, как он бросает мяч в корзину? Они тихонько шептались.

– Ну и куда ты припустила? – крикнула Женя, снова забежав в подъезд.

– Этот твой брат сказал, что я ему нарисовала это уродское сердце!

– А это не ты?

– Спятила, что ли? С ума съехала? С какого перепугу я буду ему сердца малевать?

– С такого, что ты в него втюрилась!

– Нет!

– Да, а обещала не втюриваться!

– Я и не втюривалась! – прокричала Лидка, подскочила к почтовому ящику номер двенадцать и принялась запихивать туда листок. Жизнь уже изрядно его пожевала, и он не желал запихиваться, а только больше мялся.

– Что ты делаешь?

– «Я возвращаю ваш портрет»! – крикнула Лидка, и лист наконец засунулся полностью.

– Он тебя прибьет, – рассмеялась Женя, представив лицо брата, когда он снова увидит этот листок с дурацким сердцем.

– Ну и пусть прибывает, – отрезала подруга и оттряхнула руки, как бы говоря: «Дело сделано».

– Пусть прибывает? Значит, точно влюбилась.

– Да не влюбилась я! Нужен он кому! – взбеленилась Лида и поскакала по ступеням вниз. Женя пошла за ней из любопытства. Злость на подругу прошла, теперь ей было с одной стороны смешно, с другой – интересно посмотреть, что произойдет дальше. Она вышла на улицу.

– Письмо вернулось адресату! – услышала Женя звонкий голос Лидки и моментально перевела взгляд на Колю, предвкушая выражение его лица.

– Ты что-то сказала, малявка? – переспросил он и забросил трехчочковый.

– Письмо вернулось адресату, – не без удовольствия повторила Лидка и уставилась на парня с мстительной ухмылкой.

– Сейчас пойдешь, – спокойно, с расстановкой, проговорил Коля. – И достанешь из ящика этот мусор. Считаю до трех.

– Не пойду, – Лидка упрямо сложила руки на груди. Женя стояла рядом и улыбалась: так его!

– Раз, – он принялся ритмично отстукивать мячом по асфальту. Получалось у него это мастерски. Девчонки засмотрелись. У Лены, неказистой девочки с жиденькими волосами, затряслись коленки от этого стука в сочетании с его угрожающим «раз». Она бы точно струсила, а Лидка ничего, стоит, как вкопанная, и ухом не ведет.

– Два, – он ускорил темп, мяч заходил вверх-вниз, как игрушка йо-йо.

– Дашь мяч погонять? – спросила Лидка и ухмыльнулась. Коля бросил на нее темный взгляд.

– Три.

Мяч перестал скакать, остался в руке у Коли. Девчонки напряглись, а Лидка с деланным равнодушием смотрела на парня.

– Бессмертная, что ли? – спросил он, подойдя к краю заборчика.

– Боишься выбраться из загона? – спросила в свою очередь Лидка, кивнув на заборчик, который их отделял друг от друга. Коля с силой запульнул мяч в противоположный конец коробки и одним махом перепрыгнул заборчик.

Девчонки все, как одна, завизжали и кинулись врассыпную, даже Лидка. Она отбежала на несколько метров, обернулась и захохотала.

– Не поймаешь!

Коля стоял, уперев руки в боки, и смотрел на нее, как на дурочку. Сделал резкий шаг к ней, она взвизгнула и убежала за угол дома.

– Ну и дура у тебя подруга, – сказал он Жене.

– Да, – подтвердила та. – Втюрилась в тебя, как стрекозиха.

– Почему как стрекозиха? – усмехнулся Коля.

– Тебе она тоже нравится?

– Сбрендила? У меня их и так немало, зачем мне еще этот мелкий довесок?

– Ага, немало у него.

– Сомневаешься?

– Не сомневаюсь.

– Так-то.

– Не сомневаюсь, что у тебя вообще никого нет.

– Иди уже отсюда, пока не получила, – Коля отвернулся от сестры, принялся молотить мячом по асфальту.

– Да ты же у нас такой добрый! – издевательски воскликнула Женя, отойдя, впрочем, на безопасное расстояние от брата. – Никогда никого не тронешь. Только кажешься злодеем, а в душе у тебя растут и благоухают розы.

Коля взглянул на сестру исподлобья:

– Завязывай с книгами, сестричка, – и забросил трехочковый.

Нина Степановна все это время провела у окна, приоткрыв створку, чтобы было слышно.

«Я бы тоже хотела, чтобы он считал до трех, а потом вот так выпрыгнул, – думала она, скребя ногтем по стеклу. – Только я бы не убежала, а посмотрела, что он со мной сделает».

Нина Степановна мечтательно вздохнула.

Глава 4, в которой нам становится известно, как Нина Степановна влюбилась в Колю

Нина Степановна работает в школе давно. Когда-то она была библиотекарем, правда, в другой школе. Там ее сократили, а библиотекарем поставили учительницу географии, на полставки. И Нина Степановна перешла в эту, родную для нее теперь, школу. Уборщицей.

Она хорошо помнила свое детство и в целом жизнь – те пятьдесят лет, что все это время ее сопровождали, шли рядом тихонько, как преданная собака. Иногда они подвывали и хромали, как та же собака, в особо неустойчивые периоды жизни: в подростковом возрасте, когда должна была явиться первая любовь со всеми своими первыми – поцелуями, встречами, объятиями – но не явилась. Опоздала на поезд, наверное. И вот совсем недавно, когда Нине Степановне еще было сорок девять. Когда она встретила Колю...

В такие моменты жизнь давала слабину и принималась хромать на обе ноги. А в остальном все шло ровно и спокойно. Дни не сильно отличались от других дней, ночи – от других ночей. Праздники были похожи, как близнецы-братья: новый год, день рождения, день принятия Конституции, восьмое марта – отмечались одинаково. Что-то социалистическое проскальзывало в этом стремлении – не стремлении даже, а привычке Нины Степановны уравнивать дни и ночи, будни и праздники. Она приклеила календарь к стене на кухне и отрывала от него по листочку в день.

Нина Степановна разложила перед собой мятое сердце в клеточку (так получилось, что оно снова оказалось у нее. Коля вытащил его из ящика, скомкал и кинул там же, в подъезде. А Нина Степановна, догадываясь о чем-то подобном, переждала нужное для этих действий время, приставив ухо к входной двери, чтобы контролировать ситуацию. Как только Колины шаги стихли, она вышла в подъезд. Подобрала свое сердце, а дома, как могла, разгладила рукой).

Глядя на фиолетовую карандашную линию поверх клеток и вписанное в сердце имя – Николай – она вспомнила, как встретила его.

Это был четверг, Нина Степановна шла домой из школы. В каждой руке у нее было по авоське, из одной торчал батон. У подъезда стояла желтая газель, из которой торчало кресло. Она вошла в подъезд, стала подниматься по лестнице, и вдруг все закружилось, завертелось, батон вывалился и покатился по ступенькам вниз, а сама Нина Степановна оказалась распластанной на полу. С левой туфли у нее соскользнула кожа от банана. Правой ногой стало больно. «Наверное, ударилась о перила», – подумала женщина и тут увидела его. Точнее, сначала его руку. Она была протянута. И не куда-нибудь, а прямо к ней. Нина Степановна смотрела на эту руку сквозь боль в ноге, потом смотрела в эти глаза (синие!). Боль отступила. Внезапно захотелось летать, и Нина Степановна почувствовала себя пушинкой в этом мире – но только на мгновение. В следующую секунду она уже тяжело поднималась на ноги, опираясь на протянутую руку. Она встала, парень спросил:

– Все в порядке?

Она кивнула, не в состоянии произнести ни слова, и парень, перепрыгивая через три-четыре ступеньки, помчался вниз. Нина Степановна посмотрела в подъездное окно. Парень остановился у газели и принялся тянуть из нее что-то длинное.

«Торшер», – догадалась Нина Степановна, когда из нутра машины показался крупный белый плафон.

«Новые жильцы, – снова догадалась Нина Степановна. – Значит, в двенадцатую заехали. Она одна пустовала».

Женщина поднималась к себе, хромая, и думала всякие разные мысли о том, что нужно будет познакомиться с новыми соседями, что теперь их подъезд заселен полностью, что нужно разморозить курицу и пожарить на ужин, и что Надька опять придет поздно. Но ей не давала покоя другая мысль. Точнее, это была даже не мысль, а скорее ощущение. Чувство, будто вот-вот воспаришь, как воздушный шарик. «И будешь биться своим воздушным лбом о потрескавшийся потолок подъезда», – попыталась себя одернуть Нина Степановна. Но одернуть не получилось: ощущение никуда не исчезало. Оно поселилось в ней и не желало уходить. Оно полоснуло по жизни Нины Степановны своим острием, разделив ее на «до» и «после».

Это было полтора месяца назад. С тех пор сердце Нины Степановны начинало гулко ухать, когда она заходила в подъезд или выходила из него, чего раньше с ней, конечно же, не случалось. А в сентябре, когда она вышла на работу, это ощущение перекечовало и туда: оказалось, Коля будет учиться в их школе.

Она ловила его взгляды везде – в подъезде, в школе, на улице перед домом. Взгляды были скользкие – сразу проскальзывали мимо. Она стояла у окна, когда он играл в баскетбол. Она хотела ему написать. Или позвонить. Она хотела заговорить.

И заговорила однажды в школьном коридоре:

– Куда по мытому? – сказала она и покраснела. Коля ничего не заметил и, вполне возможно, не услышал в своих наушниках. Протопал по полу, оставляя жидкие мутные следы. Она не стерла их сразу, а долго смотрела, пока не высохли.

Дома она заглядывала в зеркало и видела там пухлые щеки и округлые руки. На ноги старалась не смотреть.

Она встречала Колю каждый день. Появлялась с тряпкой и ведром на том этаже, где у Коли был урок по расписанию (которое она переписала еще в начале четверти, пока никто не видел), и дожидалась перемены. MOMента, когда он выйдет из класса.

А по вечерам, в пустой тихой квартире, на Нину Степановну накатывало чувство вины: он же совсем молодой, а она что? Куда она? Зачем? В такие моменты она старалась уговорить себя, заставить, сломать. Но не уговаривалось, не заставлялось, не ломалось.

И сейчас был такой вечер. Нина Степановна разложила перед собой мятое клетчатое сердце и думала. На часах было 23:34, когда вернулась Надя.

– Надя, иди сюда! – крикнула из кухни Нина Степановна, спрятала сердце в карман халата и услышала шаги дочери в направлении комнаты и звук закрывшейся за ней двери. Нина Степановна встала и сама пошла к Наде.

– Надя, – сказала она, войдя в комнату. – Почему так поздно? Ты где была?

– Ма, тебе не надоело? – вяло, сквозь жвачку, проговорила дочь.

– Надоело, поэтому и спрашиваю.

– Раз надоело, тогда не спрашивай больше. Каждый день одно и то же.

– Потому что ты каждый день где-то пропадаешь, – Нина Степановна стояла на пороге и вглядывалась в лицо дочери: не пьяная ли? Вроде нет. – На улицах опасно вечером. И ночью.

– У меня баллон есть.

– Какой еще баллон?

– Газовый.

– Как газовый? Где ты взяла?

– Жорка дал.

– А кто такой Жорка?

– Жорка – это Жорка, – дочь плюхнулась на кровать, посмотрела на растерянное выражение лица матери, рассмеялась и добавила: – Приятель, ма. Мы тусим вместе.

– Где вы тусите?

– А это уже мое личное дело.

– Тебе пятнадцать...

– Спасибо за информацию, – перебила Надя и зевнула. – Я спать хочу, ма.
Нина Степановна потопталась еще немного на пороге, моргнула, посмотрела на дочь.
– Ну ладно. Спи тогда, – сказала и вышла.

Села перед телевизором, но включать не хотелось. Не хотелось даже вытаскивать листок из кармана халата, чтобы снова посмотреть на заветное имя. Нина Степановна смахнула слезу с левой щеки. Сердце осталось лежать в кармане.

Глава 5, в которой Коля ошибается насчет сердца в клетку, а Катенька вместе с Ниной Степановной собирают осенние листья

– Николай! Вынь наушники сейчас же! – взвизгнула Алла Ивановна, учительница физики.

– А? – Коля вынул один наушник и уставился на нее.

– Бэ! Наушники быстро убери!

– Я быстро не умею, могу убрать медленно, – равнодушно ответил Коля и класс разразился хохотом.

– А ну-ка замолчали все! – вскричала Алла Ивановна. Когда Коля шутил, она теряла управление классом. Вот и сейчас все продолжали смеяться, не обращая на учительницу никакого внимания. – Вон из кабинета, Панов!

– Вон так вон, – равнодушно сказал Коля, сложил книжки в рюкзак и направился к выходу. Алиса Водовозова, Ира Пономаренко, Аня Велтистова и Даша Клубина восхищенно посмотрели ему вслед. Класс притих.

Коля расположился в коридоре, на подоконнике, совсем рядом с кабинетом завуча. Но его это не волновало. В конце коридора возилась уборщица, поглядывая на Колю, но его и это не волновало. На уроке физики, пока он слушал музыку, его посетила мысль: а вдруг листок с сердцем подкинула не мелкая Лидка, а какая-нибудь симпатичная девушка? Например, Алиса Водовозова. Она всегда так недвусмысленно смотрит на него, а он делает вид, что не замечает.

Коля решил проверить это во что бы то ни стало. И прямо сейчас. Он посмотрел в конец коридора: там все еще размахивала тряпкой эта тетка. Как ее называют? Тетя Нина.

– Тетя Нина! – позвал он.

Нина Степановна делала вид, что моет пол, а сама украдкой наблюдала. Колю выгнали из класса – это как пить дать. Опять что-то натворил. Вышел, хлопнул дверью, уселся на подоконник, засунул наушники в уши. Поглядывает на нее. Что это? Почему это? Нина Степановна низко опустила голову – вдруг увидит, что она покраснела – и принялась неистово тереть черные полосы от кроссовок на линолеуме.

– Тетя Нина! – услышала она его голос и вздрогнула всем телом. Он знает, как ее зовут? Только вот эта «тетя». Как бы она хотела, чтобы Коля назвал ее просто – Нина...

Ой, он идет прямо к ней. О господи! Ой! Ой!

Нина Степановна терла полосы на линолеуме все неистовей.

– Тетя Нина, – услышала она совсем близко, где-то над своей макушкой. – Помогите, пожалуйста.

Нина Степановна распрямилась. Щеки предательски горели. Она взглянула в синие глаза и чуть не рухнула на пол. Но удержалась, оперевшись о швабру.

– Тетя Нина, загляните в семнадцатый кабинет и скажите, что Алису Водовозову вызывают к директору, – парень смотрел с надеждой, а Нина Степановна почти ничего не соображала, глядя в эти глаза. Она со всей силы сжала швабру.

– Мне нельзя, – продолжал Коля, расценив молчание уборщицы как недоверие. – Меня выгнали, скажут, что это просто шутка. А это не шутка, – он поднял указательный палец и покачал им из стороны в сторону.

«Какой красивый палец, – подумала Нина Степановна, проследив за этим движением. – Какой красивый Коля».

Что-то горько-сладкое растекалось во всем ее существе.

– Поможете? – спросил парень.

Нина Степановна кивнула, засунула швабру в ведро и поплелась на негнущихся от волнения ногах (он разговаривал с ней! Он попросил помощи у нее!) к кабинету. Постучала и почти сразу просунула в щель голову:

– Эээ... Здравствуйте. Тут Алису Водовозову к директору вызывают. Срочно, говорят, – промямлила она. В горле вдруг пересохло, сердце заухало в груди. Она обвела взором класс, с первой парты третьего ряда медленно поднялась высокая светловолосая девушка и растерянно посмотрела на учительницу.

– Иди, Алиса, – Алла Ивановна взглянула на девушку поверх очков и строго добавила: – Раз тебя вызывают. К директору, – подчеркнула она последнее слово. Учительница была уверена, что раз вызывают, значит, Алиса что-то натворила. А ведь хорошистка, и туда же!

Алиса вышла. Нина Степановна направилась к ведру, стараясь ступать беззвучно, чтобы не упустить, о чем они там говорят, за ее спиной.

– Это я тебя вызвал, – услышала она голос Коли. Дошла до ведра, наконец, и стала смачивать тряпку, поглядывая на Колю с Алисой. Парень сидел на подоконнике, а девушка уперла руки в боки и взирала на него.

– Ну и зачем?

– Поговорить надо.

– Ты пока поговори, а я пойду, – девушка развернулась, но Коля ухватил ее за локоть.

– Это что еще за финт? – поинтересовался он.

– У меня урок.

– Прилежная девочка, когда кто-то рядом, – он кивнул в сторону Нины Степановны. – А как подкидывать мне любовные послания, так ты первая?

– Чего?!

– Того!

– С дуба рухнул? Башкой ударился?

– Если не ты, то кто?

– Да хоть кто! – вскрикнула взбешенная Алиса. – Ира Пономаренко, Аня Велтистова, Даша Клубина, Таня Симоненко!

– Спасибо за список, – улыбнулся парень. – Насчет Тани Симоненко я не знал.

Алиса прикусила губу, поняв, что наделала.

– Лучше бы ты, – сказал Коля, все еще улыбаясь.

Алиса переступила с ноги на ногу, стараясь не смотреть на Колю.

– А что там было написано? – спросила она, глядя в пол.

– Нарисовано сердце и в нем мое имя.

– Детский сад. Так делает только мелкотня.

– Вот я и подумал на тебя, малышка, – ласково сказал Коля, прищурившись и улыбаясь.

– Дурак.

Алиса резко повернулась и пошла к кабинету, а Коля остался сидеть на подоконнике.

Нине Степановне нужно было поменять воду в ведре. Когда она вышла из туалета, коридор был пуст.

Прозвенел звонок с шестого урока. Нина Степановна оставила ведро и швабру в подсобке, а сама спустила на первый этаж, подошла к двери продленки. Слышно было, как шумели дети. Она даже различила звонкий голос Катеньки, переливистый Анин и бойкий Димин. Украдкой заглянула в щелочку. Даша заметила ее – стояла у самой двери – и воскликнула:

– Нина Степановна пришла! Нина Степановна пришла!

Той пришлось заглянуть в кабинет, чтобы поздороваться с учительницей продленки.

– Заходите к нам, Нина Степановна, – сказал Дима. – Мы делаем жирафа из бумаги.

– А я! А я! – подскочила к ней Катенька, схватила за руку и стала затягивать в класс. – А я вам секрет хочу сказать!

– Анна Сергеевна... – виновато проговорила женщина, входя в кабинет вслед за Катенькой.

– Конечно, заходите, Нина Степановна, – сказала учительница. – Посидите с нами, если хотите.

Она была признательна уборщице, та не раз выручала, когда ей нужно было отлучиться. Сидела с детьми. Даже вон Катеньку провожает до дома, когда за ней мама не успевает приходить.

Нина Степановна смущенно улыbnулась. Ей хотелось узнать, что там за секрет у Катеньки. А еще ей было грустно, что Коля так смотрел на Алису и назвал ее «малышкой». Но она старалась об этом не думать.

Она уселась вместе с Катенькой за последнюю парту и та принялась ей шептать на ухо. Получалось щекотно и неслышно. Нина Степановна похихикала немного и предложила Катеньке:

– А давай переписываться, – она положила на парту листок. – Ты напишешь на нем свой секрет, я прочитаю и отвечу.

– Давайте! – глаза у Катеньки загорелись, она схватила ручку и стала карябать неровные крупные буквы, высунув язык от напряжения.

«Лиза любит Диму. Дима любит Свету», – вот что у нее получилось.

«А Света кого любит?» – написала Нина Степановна.

Катенька не выдержала, бросила ручку и принялась жарко, шумно шептать:

– А Света тоже любит Диму! Антон видел Светин листочек с сердечком и рассказал, что это она ему написала. А Дима не может сказать Свете ничего. Он боится и краснеет! Я сказала Свете. А она не может сказать Диме ничего, потому что тоже боится и краснеет!

– Ничего себе, – развела руками Нина Степановна. – Надо с этим что-то делать.

– Да! – моментально согласилась Катенька. – Я хочу запереть их в кладовке, где рисунки всякие лежат. Там как будто маленькая комната. Они тогда поговорят.

– А как ты это сделаешь? – заинтересовалась Нина Степановна.

– А я скажу, что мне нужно поговорить со Светой, а потом скажу, что мне нужно поговорить с Димой. И скажу: в кладовке. А они придут туда. Я закрою.

– Подопри дверь стулом тогда, – посоветовала Нина Степановна.

– Ладно, – важно кивнула Катенька.

– А сама ты кому нарисовала сердечко? – спросила женщина. Ей вдруг стало интересно. Вчера она не заметила: Катенька прикрывала рукой.

– А это секрет.

– Даже от меня? – удивленно вскинула брови Нина Степановна.

Катенька взяла ручку и написала: «Антон». Значит, все-таки Антон. Нина Степановна улыбнулась.

«Надо будет запереть их в кладовке», – подумала она, потому что знала, что Антону тоже нравится Катенька.

После шести часов дети разбрелись по домам. Нина Степановна помыла пол на первом этаже. Катенька сидела на скамейке при входе: за ней никто не пришел. Нина Степановна отнесла все в подсобку, надела свое клетчатое пальто, прихватила сумку, взяла Катеньку за руку и они пошли.

Они любили ходить по листьям. С каждым днем листьев на тротуаре становилось все больше. Катенька подбирала самые красивые и делала из них букет. Обычно. Но сейчас она шла тихая, глядела себе под ноги, шкрябала носками ботинок по асфальту.

– Что такое, Катенька? – спросила Нина Степановна.

Девочка сделала несколько шагов, опустил голову еще ниже, но вдруг остановилась. Плечи ее мелко затряслись.

– Катенька, ты плачешь?

– Да, – тихо-тихо проговорила девочка.

– Почему? Тебя кто-то обидел? – Нина Степановна присела перед ней и старалась заглянуть в лицо, но Катенька пряталась. Ресницы ее были длинными и мокрыми.

– Нет, не обидел, – почти беззвучно сказала та.

– А что тогда? Что не пришли за тобой? Мама работает, наверное.

– Нет, не из-за этого.

– А из-за чего?

– Не из-за чего.

– Ну Катенька. Скажи. Мы придумаем что-нибудь.

– Я не знаю, – проговорила та и шмыгнула носом. По лицу текли ручьи. – Я когда сказала, что Света любит Диму, а Дима Свету, – она судорожно всхлипнула, – а потом еще сказала, что запрю их в кладовке...

– Ну?

– Я не буду.

– Что?

– Запирать их в кладовке.

– Почему, Катенька?

– Я не знаю, – девочка заплакала в голос. – Я когда сказала, что Дима любит Свету, мне сразу стало не так. Я перехотела, чтобы они поговорили и перестали краснеть друг на друга.

«Вот оно что, – подумала Нина Степановна. – Значит, все-таки не Антон, а Дима. Ох уж этот Дима!»

– Я сама хочу в кладовку с Димой! – всхлипнула Катенька. Нина Степановна едва заметно улыбнулась. Первая любовь. Катенька не понимает, что с ней происходит. Она видела, как краснеют другие, а теперь и сама будет.

– Скажи ему, – посоветовала Нина Степановна.

– Я боюсь, – проговорила девочка и еще раз всхлипнула. Слезы перестали течь, она с надеждой посмотрела в доброе лицо Нины Степановны. – Скажите вы ему.

– Сказать? Хорошо, скажу.

– Нет, – испугалась девочка. – Да. Нет. А он...

– Что он?

Лицо Катеньки стало серьезным и каким-то взрослым. Дорожки на щеках высохли.

– Он же Свету любит.

«Ему всего восемь лет, – хотелось сказать Нине Степановне. – Это не навсегда!.. А в семнадцать лет – навсегда? – вдруг подумалось ей. – А в пятьдесят? Не все ли равно, сколько лет? Кажется, что любовь в восемь – это несерьезно. С высоты взрослого возраста кажется. А вон какие глаза у Катеньки: серьезные и грустные. Мда...»

– Давай соберем букет из листьев, и ты ему подаришь завтра? – предложила женщина. – Может, он догадается, что ты его...

– Тссс! – Катенька приложила палец к губам и глазами, полными укора, уставилась на нее. – Это Большой Секрет.

Нина Степановна улыбнулась девочке, показала жестом, что закрывает рот на замок, нагнулась и подобрала красивый оранжевый лист. Катенька все с тем же грустно-серьезными

выражением на лице принялась собирать листья. А ведь это самая смешливая и шумная девочка в классе! Вот что с людьми делает любовь.

Глава 6, в которой Нина Степановна постучалась, ей сказали «Войдите», а сердце в клетку вернулось в ящик, дополненное и исправленное

На двери была табличка: «Психолог», и Нина Степановна постучалась.

– Войдите.

Она вошла. Со школьным психологом она уже разговаривала, но просто, между делом, по всяким пустякам. Перебрасывалась ничего не значащими фразами. А сейчас пришла по делу.

– Здравствуйте, – сказала она и сразу как-то сникла. С чего начать? Что можно сказать, а что лучше скрыть?

– Проходите, пожалуйста, Нина Степановна, – психолог указала на стул.

Она села, уставилась на свои покрасневшие от воды руки.

– Я вот посоветоваться хотела, – пробубнила себе под нос не поднимая глаз.

– Смелее! Я здесь именно для этого, – подбадривала та.

– Это такой вопрос... деликатный. Как бы сказать...

– Говорите прямо. Все, что вы скажете, останется в стенах этого кабинета, уверяю вас.

– Тогда... – Нина Степановна подняла взгляд на психолога. – Инна Павловна... Вы сказали, надо говорить прямо. Так вот, я влюбилась.

– Это же прекрасно!

– Но я не знаю, что теперь делать, – Нина Степановна с надеждой взглянула на Инну Павловну. Вероятно, на психолога все смотрят с надеждой, подумалось ей.

– Признайтесь! Смело и прямо!

– Но как? – округлила глаза женщина. – Я хочу сказать, как это сделать? И как он примет? Он же... Он...

– Ну же?

– Он такой... я ему не подойду. Мы разные, понимаете?

– Все так думают. Не нужно решать за человека, подходите вы ему или нет! – воскликнула Инна Павловна. – Пусть он сам решает. Ваше дело – сказать ему прямо о своих чувствах.

– Но это невозможно!

– Все возможно, Нина Степановна. Надо только верить.

«Если бы она знала», – подумала та, но вслух сказала:

– Как мне признаться ему...

– Назначьте встречу и скажите. Глядя прямо в глаза.

– А по-другому как-то можно? – замялась женщина. Она представила себе такую ситуацию и ей стало нехорошо.

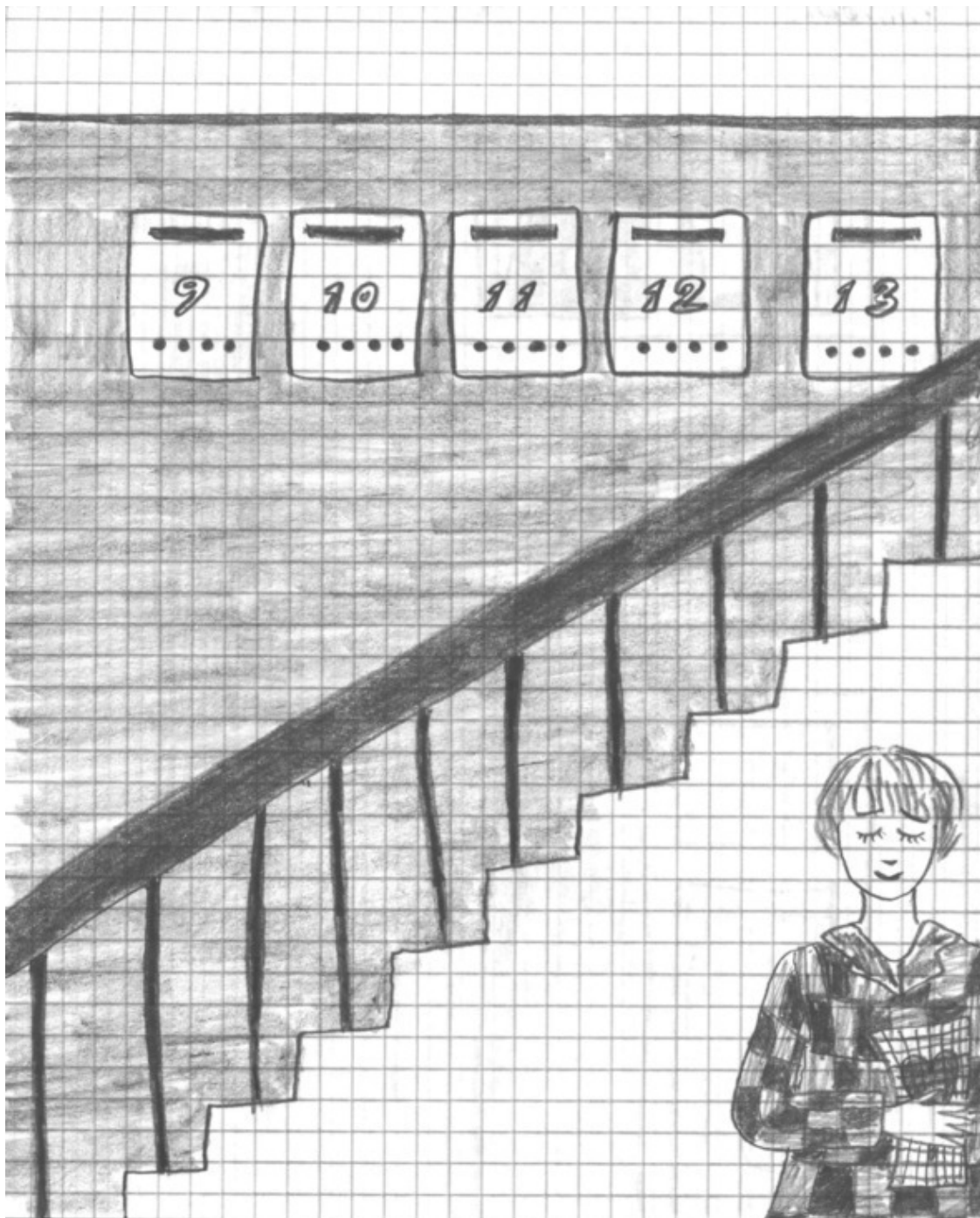
– Напишите ему, если боитесь встречи.

– Написать? – Нина Степановна вспомнила свое нарисованное сердце. А что? Можно написать на другой стороне письмо и снова кинуть в ящик...

– Лучший способ кому-то признаться в любви – это сказать об этом. Или написать, – сказала Инна Павловна.

– Да, да, – закивала Нина Степановна, встала со стула. – Спасибо. Вы мне очень помогли.

«Решено. Напишу ему письмо. Прямо и смело, и будь что будет! – воскликнула она мысленно. – Только подписываться не стану», – и, так же мысленно, вся съежилась, подумав о предстоящем признании.

Дома она нашла листочек с сердцем в кармане халата и на обратной стороне вывела:
«Дорогой Коля!

Я долго не могла решиться, но вот решилась. Давно тебя люблю, тону в твоих синих глазах, как в море. Не могу без тебя, Коля».

Подумала, подумала, что бы такое еще добавить. Стала искать в книжке «Поздравления на все случаи жизни» подходящие слова. Нашла такие (из раздела «День святого Валентина»):

Улыбку нежную твою
Рисую в клеточках тетради.
Тебя люблю, тебя молю
О поцелуе и о взгляде.

Не проходи мимо меня,
Махнув ресницами с истомой.
Тебя люблю, я вся твоя,
Хоть и с тобой мы не знакомы.

Переписала стихи на листочек и закончила загадочной фразой:

«Ответь мне, прошу. Твоя незнакомка».

Сложила листок пополам, пригладила пальцами. Прокралась в прихожую, беззвучно отворила входную дверь и, как и была – в тапочках и домашней одежде – выскользнула в подъезд. Прислушалась: тихо, можно спускаться.

Нашла среди других заветный ящик номер двенадцать и аккуратно всунула в него листок. Убедившись, что он бухнулся внутрь, она резво пронеслась на свой этаж и скрылась за дверью и двумя оборотами замка.

Дома она снова открыла книжку «Поздравления на все случаи жизни» и прочитала раздел «День святого Валентина» полностью.

Нина Степановна вспомнила свою школьную жизнь. Как отращивала волосы, чтобы заплести косички, чтобы кто-нибудь дергал за них. Но никто не дергал. Как давала списывать сочинения по литературе одному мальчику, а сама писала для себя новое. Потому что если училка увидит два одинаковых, поймет что к чему. Как обводила некоторые слова в сочинении, которое будет списывать этот мальчик, чтобы получилась фраза «Я тебя люблю», а он перестал просить у нее списать. Как караулила его во дворе школы, делая вид, что как раз тоже идет той же дорогой, а он ускорял шаг. Или, наоборот, замедлял.

Она всегда думала, что делает что-то не так. Что мальчик хочет с ней поговорить, но она слишком рано ушла или слишком поздно пришла. Ей казалось, что он смотрит на нее с особым выражением, когда пытается вспомнить формулу, отвечая у доски.

Одним осенним днем, в начале октября, тот мальчик подозвал ее на перемене и сказал: «Встретимся после уроков во дворе». У нее екнуло сердце, колени задрожали. Забыв портфель в классе, она прибежала на задний двор школы, к хоккейной коробке, раньше него. Когда появился он, то сразу спросил:

- Почему ты бегаешь за мной?
- Я не бегаю, – Нина Степановна, которая тогда была просто Ниной, вся съежилась.
- Ходишь, выслеживаешь, подчеркиваешь дурацкие слова в сочинении?
- Я не...
- И хватит смотреть на меня постоянно, поняла?
- Я тебя...
- Что ты меня? Ну что?
- Это.
- Что «это»? Говори.

Надежда зашевелилась в душе девочки теплым комком.

– Люблю.

Тот мальчик провел по волосам рукой (ему очень шло это движение), прошелся взад-вперед, остановился перед Ниной и сказал:

– А не надо меня любить. Не надо, поняла?

– Мм... – говорить стало трудно, смотреть тоже. И все равно не хотелось, чтобы он уходил так сразу. Пусть бы еще что-нибудь сказал.

– Поняла?!

– Да, – тихо ответила Нина.

– Сделай так, чтобы я забыл, как ты выглядишь.

И ушел.

А Нина долго разглядывала ограду хоккейной коробки. Она была такая потрескавшаяся, старая. Краску можно было отколупать ногтем, если постараться. Нина отколупывала, пока не стало больно под ногтями. А потом вернулась в школу за портфелем.

Глава 7, в которой Коля злится, а сердце в клетку сжимается в комок

– Вместе с Женей идите! – крикнула мама из комнаты. Она натягивала колготки в спешке – опаздывала на работу.

– Ага, щас, – пробубнил себе под нос Коля.

– Со мной пойдешь, – довольно сказала Женя и ухмыльнулась.

– Сама доползешь, не маленькая.

– Мама сказала...

– Маменькина дочка.

Коля накинул куртку, взял рюкзак и вышел в подъезд. Женька в спешке похватила свои вещи и тоже выбежала, крикнув:

– Пока, мама!

Коля ненавидел идти в школу вместе с сестрой, а Женьке нравилось его злить. Особенно теперь: она еще не простила ему влюбленную Лидку.

– Эй, эй! – она неслась, перелетая через пять ступенек кряду, чтоб поспеть за ним. – Братик, любимый, подожди!

В пролете между вторым и первым этажами Женя все же притормозила. Из их почтового ящика торчал уголок тетрадной бумаги. Потянула за него – и скоро в ее руке оказался уже знакомый ей листок с нарисованным сердцем. Теперь здесь было написано еще что-то на обороте. Женя пробежала строчки глазами и улыбка чуть ли не вонзилась ей в уши: представила себе лицо брата, когда он снова увидит этот листок.

Девочка припустила по ступеням вниз, выбежала на улицу. Коля был уже далеко, пришлось догонять.

– Тебе письмо, – крикнула она и, не выдержав, расхохоталась.

Коля обернулся и недоверчиво уставился на сестру, но ходу не сбавил. Она сунула ему в лицо мятый листок:

– Письмо.

Он взял, развернул.

– Ты, малявка, откуда у тебя это? Я же выбросил.

Женька хохотала, все никак не могла успокоиться.

– В почтовом... – выдавила она из себя, задыхаясь от смеха и быстрой ходьбы.

– А-а-а-а, – протянул он, резко остановился и уставился на девочку. Она тоже остановилась, все еще смеясь. – Я понял. Это твоих рук дело. Да? – зло глянул он на нее.

– Нет. Я же сказала, в почтовом ящике торчало, – Женя хихикала.

Коля схватил ее за плечи и развернул к себе.

– Твоих рук дело?!

– Нет!

– Правду говори!

– Я уже сказала! Отпусти, – девочка вывернулась из его рук и побежала по дорожке из двора.

– Все равно узнаю, кто это, – процедил Коля и сжал листок в кулаке. Это дурацкое сердце злило его. А теперь еще появилась дурацкая приписка на обратной стороне, с дурацкими стихами. И просьбой ответить. Где ответить? Кому ответить? Он так ответит, что мало не покажется.

Коля был уверен, что кто-то стебется над ним. Он огляделся: вдруг этот горе-шутник притаился где-нибудь, чтобы посмотреть на его реакцию, – но никого подозрительного не увидел. Женька уже далеко впереди, обиделась и унеслась в школу без него. Тем лучше.

После физкультуры Коля вошел в женскую раздевалку. Оттуда высунулась Ира Пономаренко, он затолкал ее внутрь и запер дверь. Вытащил клетчатый бумажный комок из кармана и развернул.

– Ты что творишь? – первой опомнилась Алиса Водовозова и вскочила со скамеечки. – Открой дверь! Это женская, между прочим, раздевалка. Мы могли быть голыми!

– Сейчас я показываю вам листок, – сказал Коля, не обращая на Алису Водовозову никакого внимания, – и та из вас, которая это сделала, сразу встает и говорит: «Это я сделала». Инструкция ясна?

Девчонки притихли на скамеечке, глядя на Колю снизу вверх. Им нравилось, как он упер руки в боки и строго на них глядел.

«Он такой красивый, когда злой», – подумала Аня Велтистова, приосанилась и закинула ногу на ногу.

– Выпусти нас, урод, – повторила свою просьбу Алиса, глядя на Колю сбоку.

«Какой классный у него профиль», – подумала она.

– Кто это сделал? – Коля показал на фиолетовое сердце. – Считаю до трех. Раз.

– Опять ты с этим дурацким сердцем носишься, – усмехнулась Алиса. – Не надоело?

Выкинул бы.

Коля бросил на девушку недобрый взгляд и проговорил с нажимом:

– Два.

Он вглядывался в лица девочек. Ира Пономаренко покраснела, но смотрит на листок такими непонимающими глазами, что, наверное, это все-таки не она. Аня Велтистова и Даша Клубина хитро переглядываются, кивая на Иру Пономаренко – дескать, это она, а Таня Симоненко прячет взгляд – но она всегда его прячет.

– Ты это написала? – жестко спросил Коля, поднеся листок к самому лицу Тани. Та покраснела и еще ниже опустила лицо. – Смотри, сейчас будет «три», – с угрозой в голосе добавил он. Ее челка затряслась.

– Ну, я это написала, – томно проговорила Алиса Водовозова. – И что теперь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.